

Анна Стреминская

Поговори со мной о счастье

* * *

Церковь, базар, кладбище, психбольница...
В нашем районе все есть, что нужно народу.
Над базаром часто летают разные птицы,
кошки с собаками здесь живут в любую погоду.
Церковь Рождества Богородицы с серебристыми куполами –
маленькая церковь, настоятель – отец Григорий.
Там привлекают людей простыми, как соль, словами.
Вы – соль земли – говорят – забудьте про боль и горе!
Иногда приходят в церковь больные
из расположенной недалеко психбольницы.
Они чертят в воздухе знаки чудные,
гоняют бесов, что им мешают молиться.
А на кладбище – как Бог наказал:
там сирень и ангелы, там тихо и сладко спится.
Кладбище, церковь, психбольница, базар,
церковь, кладбище, базар, психбольница...

* * *

Вошла ты, резкая, как «Нате!»
В. Маяковский

Поговори со мной о счастье,
поговори со мной о доме,
где пряно пахнут ваши сласти.
Дорога к дому так знакома...

Хоть я ни разу не была там –
там счастье по утрам клубится,
и ставит на полу заплаты
свет и расцвечивает лица,
и зажигает все букеты
на всех столах в веселых вазах,
и где подслушивает лето
за завтраком твои рассказы...
А лица детские сияют,
и твой любимый варит кофе.
Писать стихи не нужно, зная,
что жизнь сама слагает строфы
о том, как светятся на солнце
льняные кудри, шерсть собаки,
что жизнь однажды пронесется,
но как она пьянит, однако!
Вошла я, резкая, как «Здрате!»,
чужою радостью влекома.
Поговори со мной о счастье,
ведь я с ним лишь едва знакома...

* * *

Оля плачет: собак моих потравили!
Собаки были мои друзья, меня любили
и грели.

Они и спали со мной, они со мной ели,
я с ними жила, хотя и жила вполсилы...

Их потравили солнечным днем на базаре –
они мешали продавцам колбас, покупателям
мяса.

Нищенке Оле об этом после сказали –
так, между прочим, ведь просто точили ляды.

Оля плачет: они меня так любили –
черный Мухтарчик и рыжая Жулька, и Степа!

В холодные ночи они на меня ложились –
мне было от них тепло. Такая я недотепа...

Оля плачет, и слезы ее затопили
все улицы и базар – океан любви и печали!
Любви, непонятной рубщикам сухожилий,
печали, непонятной продавцам мяса и сала.

* * *

Когда я иду на работу, на пляж, на базар,
Миша выходит на улицу, топчется возле ворот.
– На свиданье? – спрашивает, как будто смешное сказал –
растягивает в улыбке рот.

Я же бросаю: вольно! или кругом! или шагом марш!
Миша всегда отдает мне честь, как я прохожу.
И он марширует, пока я лежу на пляжу...
И это похоже на нарисованный кем-то шарж.

Но Миша делает все всерьез, и когда я иду домой,
Он отдает мне честь и внимательно ждет приказ.
– Со свиданья? – спрашивает преданный рыцарь мой.
В голове его много шалостей и проказ...

Он передразнивает мою походку, когда я спешу.
Мише лет девяносто. Он бодр и, наверно, здоров.
И когда эти строки в блокноте я ночью пишу,
я вдруг понимаю, что это, точно, любовь!

* * *

Стою у стенки я на остановке.
Вечерний дождик моросит лениво...
А по карнизу кот крадется ловкий,
и клен над ним трепещет сиротливо.

Мурал на стенке: принц и с ним лисенок...
И подпись: «За любимых мы в ответе!»
Признание в любви какой-то Соне,
еще призыв: «Читайте книги, дети!»

И надпись белой краскою: «Ты дура!»,
и про мирскую славу на латыни.
Рисунок неприличный – подпись «Юра»,
и что-то про вопящего в пустыне...

И объявление: «Накручиваем дреды!»,
и уверение: «Не дам уйти я мужу!»,
и откровение, что счастья в жизни нету,
снять порчу предложение к тому же!

Вот и трамвая красная фигура
на рельсах под дождем протяжным стынет.
Так что же мне? Наверное: «Ты дура!»
Еще возьму я изречение на латыни.

* * *

На мне отдыхает природа...
Постель постелю ей красивую,
и может в любую погоду
она отдохнуть, говорливая.

Постель постелю ей удобную
да чай заварю ей жасминовый.
Поэты столичные, злобные,
мне скажут, что я справедливая!

И те поэтессы московские,
что пинают меня с наслаждением,
скажут мне: «Стихи твои – плоские,
и они – по мукам хождение!»

Но стихи мои – это боль моя –
каждой клетки души страдающей.
Стихи мои – колыбельные
для природы, на мне отдыхающей!

* * *

Я живу в коридоре между затмением солнечным
и затмением лунным.
Он похож на коридор коммунальный –
обстановка в нем нервная и напряженная.
Коридор завален всяческим пыльным хламом:

грехами, кармическими долгами, гештальтами
незакрытыми,
тарелками, в гневе разбитыми...
В этом пространстве атмосфера настолько плотная,
что ее можно резать ножом,
она настолько наэлектризована, что постоянно
бьет током.
Близкие люди готовы убить друг друга,
многие совершают поступки, которых
сами от себя не ожидали.
В голове у каждого то солнечное затмение,
то лунное,
лунное, а потом снова солнечное...
Как хорошо, что это только коридор,
а не гостиная, не кабинет, не спальня
и не постоянное место жительства...

* * *

Зверь бежит за другим зверем:
– погоди, стой!
Мне нужно твое мясо, твоя горячая кровь.
Ведь я так хочу жить!

Рыба плывет за другой рыбешкой:
– погоди, мне нужно твое прохладное
серебристое тело.
Мне нужно тебя проглотить –
я ведь так хочу жить!

Комар летит, запекает песню
комариною...
Садится на чью-то нежную кожу.
– погоди, дай мне напиться!
Дай мне разбухнуть от крови
твоей сладчайшей.
Капелькой крови я буду лететь и петь
гимн нескончаемой жизни...

Человек идет за другим человеком:
– погоди, стой! Я жажду твоего тела.
Мне нужна душа твоя, исполненная любви.
Мне нужен твой смех, твой голос, твои глаза...
Мне нужны твои дни, твои ночи, уютные вечера...
Мне нужен твой ум, твои знания, опыт,
твое внимание и твоя забота...
Твой дом и деньги, твои вещи,
картины, книги...
Твой мозг, печень, сердце и селезенка,
твое мясо и твоя кровь.
Твоя жизнь мне нужна и даже твоя смерть.
Ведь я так хочу жить, я так хочу
быть счастливым!

